

Время М.И.

Олимп белеет

Андрею Вознесенскому — 70 лет!

«Олимп белеет. Время сбрендило». Это из «Авто-реквиема». Еще бы не сбрендило. Самому молодому поэту русской поэзии — 70 лет. Где она, Коммунистическая аудитория? «Я — Гойя. Глазницы воронок мне выклевал ворог...». У тех, у кого в памяти остался этот голос, так и останется молодым. Голос Вознесенского — завывающий, характерный, пародийный, непреходящий — вытащит из небытия, как луковичка — грешника.

«Треугольная груша». Где-то есть эта книжница 62-го года, купленная в киоске «Союзпечать». «Звук запаздывает за светом. Слишком часто мы рты разеваем. Настоящее — неназываемо. Надо жить ощущением, цветом». Нет, это двумя годами позже. Много ли строчек впрессовано в нас, чтобы вдруг полезть наружу, как в этот день юбилейный Андрея Андреевича? «Свисаю с вагонной площадки, прощайте...» Где она, Сигулда? Разве что в той вознесенской осени. Зато уж навсегда.

Когда-то Андрей Битов сказал, что у каждого читателя свой тот или иной писатель. В зависимости от того, когда он его прочитал. Свой Вознесенский, первый, был даже у Пастернака, прочитавшего его стихи 56 лет назад. Свой Вознесенский у тех, кто слышал его в 60-х. Свой — у меня, купившего первую пластинку поэта в 70-м году. Это потом мы узнали, что есть Бродский, Мандельштам. Что Андрей Вознесенский достиг высшей народной славы, став кем-то вроде героя хармсовских анекдотов из жизни Пушкина.

«Леса мои сбросили кроны, пусты они и грустны, как ящик с аккордеона, а музыку — унесли». Это 61-й год. Все та же «Осень в Сигулде». Потом будет стычка с Хрущевым. Только сейчас, к 40-летию события, прошла премьера пьесы Дмитрия Минчонка «Пидарасы» в «Театре. doc.», где сам Андрей Андреевич присутствовал в качестве зрителя, комментатора и героя,

Андрей Вознесенский достиг высшей славы: он герой анекдотов

поскольку он-то не изменился с тех пор. Это ощущение молодости, неожиданности стиля, нарушенных ожиданий — вот Вознесенский. Самая большая неожиданность — его нынешний юбилей.

«Сидишь беременная, бледная. Как ты переменялась, бедная». Странно. Вознесенский пришел в веселые, озорные времена. Это потом они стали другими — угрюмыми, консервативными, правыми. Но человек, всегда несущий в себе их озорство, азарт, риск, не боясь показаться смешным, оказывается выше своего времени. Отсюда его постоянный поиск — видномы, игра, слом привычных ожиданий, когда никто уже ничего не ждет, и года клонят к суровому и безликому постмодерну. А Вознесенский — модернист! «За что нас только бабы балуют и губы, падая, дают?..».

Это мы постарели. Вознесенский остался тем, кем был. Но ничего. Время еще его догонит, начавши все сызнова. «Что нам впереди предначертано? Нас мало. Нас может быть четверо. Мы мчимся — а ты божеество! И все-таки нас большинство».